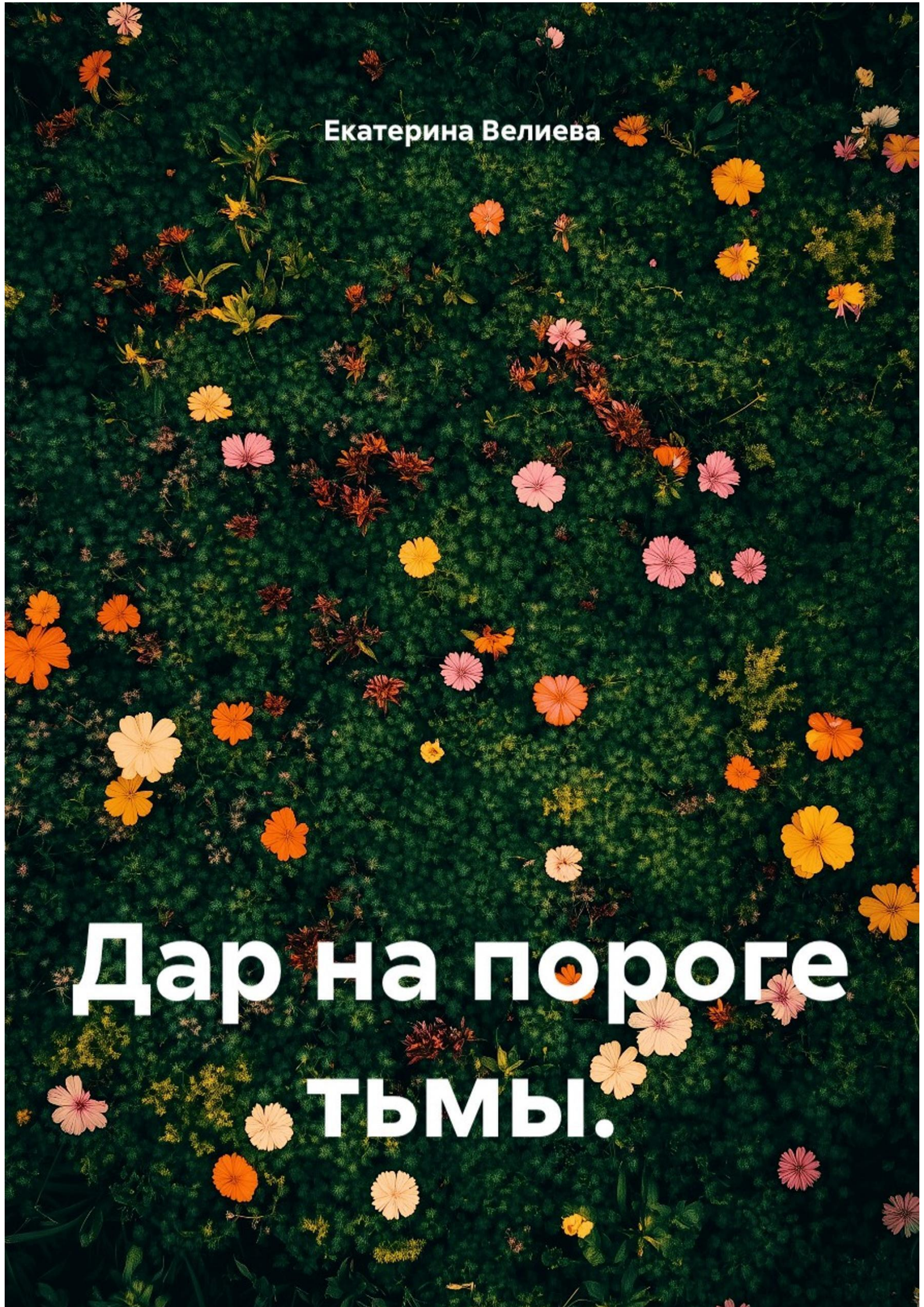

Екатерина Велиева
Дар на пороге тьмы.

Екатерина Велиева

Дар на пороге тьмы.

«Автор»
2026

Велиева Е. И.

Дар на пороге тьмы. / Е. И. Велиева — «Автор», 2026

Шоссе кончилось ещё час назад, и с тех пор дорога только ухудшалась — сначала асфальт с заплатами, потом щебень, потом просто две колеи в глине, по которым было понятно, что ездят здесь редко и неохотно...Лес за окном начал меняться. Сначала это было почти незаметно: там, где раньше между стволами просвечивало поле, теперь стояла сплошная стена ельника, и машина шла не просторно, как в начале пути, а как по коридору. Кира поймала себя на том, что машинально притормаживает, хотя дорога не стала сложнее. Просто хотелось ехать медленнее. Просто хотелось посмотреть, куда ведут эти стволы.

© Велиева Е. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога в никуда 6
Глава 2. Дом на краю леса 8
Глава 3. Переход 11
Глава 4.Утро после. 13
Глава 5. Знак на коже. 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Екатерина Велиева
Дар на пороге тьмы.

Глава 1. Дорога в никуда

Шоссе кончилось ещё час назад, и с тех пор дорога только ухудшалась — сначала асфальт с заплатами, потом щебень, потом просто две колеи в глине, по которым было понятно, что ездят здесь редко и неохотно.

— Ты уверена, что мы туда едем? — Кира бросила взгляд на телефон, закреплённый на держателе. Экран уже минуту показывал одно и то же: пунктир маршрута и вращающийся кружок поиска сигнала. — Карта умерла ещё на повороте.

— Она не умерла, просто тут связь плохая. Так бывает, — Настя сидела, вжавшись в сиденье, с коленями, прикрытыми пледом, хотя печка работала на полную. — Ты просто не ездила никогда в такие места.

— Я в таких местах и не жила.

— Вот и зря.

Кира усмехнулась, но спорить не стала. Спорить с Настей в последние дни было бессмысленно: та собиралась к бабушке с той тихой обречённостью, с какой люди собираются на похороны, — аккуратно, загодя, не обсуждая.

Лес за окном начал меняться. Сначала это было почти незаметно: там, где раньше между стволами просвечивало поле, теперь стояла сплошная стена ельника, и машина шла не просторно, как в начале пути, а как по коридору. Кира поймала себя на том, что машинально притормаживает, хотя дорога не стала сложнее. Просто хотелось ехать медленнее. Просто хотелось посмотреть, куда ведут эти стволы.

За ветровым стеклом было серо, ровно, без солнца, но и без дождя — свет, при котором ничего не отбрасывает тень.

— Слушай, — сказала Кира, чтобы не молчать, — ты так и не объяснила: почему мы вообще едем? Ты с ней не виделись лет пять, а то и больше.

Настя помолчала. Потом ответила, глядя не на дорогу, а куда-то сквозь неё:

— Письмо пришло. Не телефон, не сообщение — письмо. Настоящее, в конверте. Она пишет раз в год, когда ей надо, чтобы кто-то приехал.

— И что в нём?

— Что у неё плохо со здоровьем. И что она ждёт.

— Всё?

— Всё.

Кира хотела сказать, что это идеальный способ выманить родственницу в глушь, но удержалась.

— Ты про неё особо не рассказывай, ладно? — попросила Настя. — Просто не надо.

— Просто не надо — это как?

— Это значит не смейся при ней. Она чувствует.

— Что чувствует?

— Всё.

Кира не выдержала и засмеялась — коротко, не зло.

— Насть, ну серьёзно. Мы едем к пожилой женщине в деревню, а ты рассказываешь мне, как в фильме.

— Это ты так думаешь, потому что никогда её не видела.

— Я ни её, ни этих мест. Наверное, и правда не моё место.

— Не твоё, — согласилась Настя серьёзно. — Но ты приедешь, а там само.

— Что само?

— Ничего. Забудь.

Дорога делала поворот, и телефон на держателе погас окончательно — не «нет сети», а просто тёмный экран. Кира потянулась, чтобы его разбудить, и в этот момент деревья впереди расступились.

На опушке, у вкопанного в землю столба с облезлой табличкой, они и увидели её.

Ворона сидела на перекладине, прямо на нижней, на уровне человеческого плеча, и не взлетала. Машина шла в их сторону — а она не взлетала. Просто сидела, повернув голову, и провожала их взглядом, как провожают знакомых, которых ждали.

Кира сбросила скорость почти до нуля, сама не понимая зачем.

Ворона смотрела и не отводила взгляда. Голова её поворачивалась вместе с машиной — медленно, точно следя за тем, что происходит. Тянулись секунды, потом ещё, потом ещё. Столько люди не смотрят на людей, а тут — птица. В голове Киры вяло, почти лениво, шевельнулась мысль о том, что так смотрят не на машину, а на то, что в машине. На то, что они привезли с собой.

— Кира, — тихо сказала Настя. — Не останавливайся.

— Я и не…

Машина прошла столб. И тогда ворона рванула с перекладины — не в сторону, не в поле, а строго вверх, вертикально, всей массой набирая высоту. Взлетела так, что ельник закачался, потом сделала круг над поляной и ушла туда, где виднелись крыши.

В тишине было слышно, как она хлопает крыльями, очень долго — дольше, чем взлетают вороны.

— Вот и всё, — сказала Настя как-то спокойно, почти ровно. — Она нас увидела.

— Кто «она»?

— Бабушкина. Она при бабушке живёт.

Кира посмотрела на неё, потом в зеркало заднего вида — там было пусто, ельник и глина. Связи не было. Телефон был мёртв. Дорога впереди шла прямо, без развилок, к крышам.

— Знаешь, — сказала Кира, — ты здорово придумала про «просто не смейся при ней». Мне сейчас ни капли не смешно.

Деревня открылась сразу, без предместий. Пять дворов, три из них — с заколоченными окнами, колодец в центре улицы, и вокруг каждого дома — по высокой, никогда не кошенной траве, как у стоячей воды.

И — полная тишина.

Не та тишина, что бывает в городе ночью, где под ней всё равно угадываешь гул. Здесь было так, будто звук выключили на входе и не собираются возвращать. Машина ещё катилась, а Кира уже ощущала это физически: как будто воздух в салоне стал плотнее, мягче, как вата, вложенная в уши. Она приоткрыла окно — ветер ударил в лицо, и всё равно было слышно только, как хрустит под шинами гравий.

Ни собаки. Ни птицы. Ни радио в чьей-то кухне.

Настя смотрела на дома жадно, как смотрят на что-то, с чем им предстоит жить.

— Крайний двор, — сказала она. — Слева, за колодцем.

Кира остановила машину и выключила двигатель.

И тогда в этой тишине — плотной, как вата, — отчётливо и остро, откуда-то с крыши ближнего дома, раздался один короткий сухой звук. Ворона чистила клюв о дерево.

Настя перекрестилась.

— Ну, — сказала она, — приехали.

Кира смотрела на дом, в окне которого кто-то уже отодвинул занавеску, и старалась дышать ровно.

«Это деревенские байки», — думала она. — «Это деревенские байки».

Слово почему-то не успокаивало.

Глава 2. Дом на краю леса

Дом стоял на самом краю деревни, где улица уже не улица, а тропа, и тропа эта упиралась в калитку — низкую, из серого от времени теса, без единого гвоздя на вид.

Деревья вокруг были старые. Не высокие, как в лесу, а толстые, будто раздавшиеся вширь за долгую жизнь: два дуба у самого крыльца, а за домом — яблони, кривые и ветвистые, и одна липа, которую, судя по обхвату, посадили задолго до того, как в деревне появилось электричество. Крыша была крыта дранкой, и дранка выцвела до цвета старой кости. Дом осел в землю до половины окон, но не выглядел заброшенным: наличники были вымыты, стекла целы, а у крыльца лежал половик, выбитый так тщательно, что на нём не было ни соринки.

Кира заглушила мотор. Тишина навалилась сразу, и стало слышно, как где-то далеко, за домом, скрипит на ветру колодезный журавль.

— Ну что, — сказала Настя и положила ладонь на дверную ручку. — Только не начинай.

— Даже не думала.

— Думала. У тебя лицо думает.

Калитка открылась без скрипа — петли были смазаны. Дорожка к крыльцу оказалась выложена кирпичом, кирпич — вкопан глубоко, чтоб не выпирал по весне. Всё здесь было сделано медленно, надолго и на совесть, как делают люди, которые не рассчитывают, что кто-то придёт и переделает.

На крыльце за стеклом шевельнулась занавеска.

Дверь отворилась раньше, чем они успели постучать.

Марфа оказалась ниже, чем Кира себе представляла, — маленькая, в тёмном платке и длинной кофте, сухая, как сучок. Одна рука лежала на дверном косяке, и по тому, как крепко она за него держалась, было видно, что без опоры ей тяжело. Пальцы были узловатые, в тёмных прожилках.

Но глаза — глаза были не старушечьи. Светлые, почти бесцветные, они не бегали, не искали, не щурились на свет. Они просто остановились на Кире и остались там.

— Настенька, — сказала Марфа. Голос был тихий, ссохшийся, но не дребезжащий. — Долго ехали.

— Долго, бабушка. — Настя наклонилась и поцеловала её в щёку, и Марфа приняла это как должное, но глаз не отняла.

— А это кто?

— Это Кира. Подруга моя. Мы вместе.

— Вижу, что вместе. — Марфа чуть склонила голову. — Заходите. С дороги.

В доме пахло травами и воском. Травы висели пучками под потолком — не для красоты, а по-хозяйски, головками вниз, подвязанные суровой ниткой: полынь, зверобой, ещё что-то тёмное, чего Кира не знала. На подоконниках стояли свечи — не праздничные, а обгорелые, с натёками воска по стеклу. Печь была истоплена: от неё шло ровное, густое тепло, и от этого воздух в комнате казался плотнее, чем на улице.

— Садитесь, — Марфа кивнула на лавку у стола. — Чай сейчас.

Она двигалась медленно, но без суеты, будто скорость давно перестала иметь для неё значение. Чайник загремел, вода полилась, и в этом доме звук воды оказался первым настоящим звуком за весь день.

Настя села, сняла куртку, и Кира увидела, как она это делает — плечи опустились, будто она вошла не в чужой дом, а вышла из холода. Разговор пошёл свой, домашний: про дорогу, про то, что шоссе разбили, про то, что колодец у соседей, кажется, пересох. Кира сидела и держала чашку обеими руками, и понемногу думала, что зря боялась. Старуха как старуха. Дом как дом. Травы, воск, печка.

А потом Марфа поставила чашку и посмотрела на неё.

— Ты пришла не просто так, — сказала она.

Разговор оборвался на полуслове. Настя замерла с ложкой в руке.

— Простите? — Кира поставила чашку. — Я приехала с Настей. За компанию.

— За компанию, — повторила Марфа, и в этом повторе не было ни насмешки, ни укора — только взвешивание. — За компанию люди не ездят за триста вёрст по такой дороге. Автобусы, чай, ходят.

— Не ходят, — сказала Настя тихо. — Отменили.

— Тем более.

Кира почувствовала, как поднимается в ней знакомое, привычное раздражение — вежливое, аккуратное раздражение человека, которого пытаются поймать на слове.

— Марфа… извините, я не знаю, как по отчеству.

— Марфой зови. Меня уж всяко помнят Марфой.

— Марфа, я правда приехала просто помочь. Настя не хотела ехать одна. У неё же никого больше нет, кроме вас.

— Есть у неё, — сказала Марфа спокойно. — И было бы, если б не было тебя.

Кира не нашлась, что ответить, и это оказалось хуже всего. Она не любила терять слова.

— Бабушка, — вмешалась Настя. — Ну что ты сразу. Она тут ни при чём.

— Она-то как раз при чём.

Марфа сказала это без нажима, буднично, как сообщают, что к обеду будет дождь. Потом отставила свою чашку, повернулась боком, потянулась к подоконнику — и Кира с удивлением увидела, что старуха не просто сдвигает свечи. Пальцы прошли под доску, доска поднялась, и из-под неё Марфа вынула что-то маленькое, завёрнутое в тёмную, засаленную от времени тряпицу.

— Останьтесь на ночь, — сказала она, не разворачивая свёрток. — Обе.

— Мы и собирались, — ответила Кира. — Настя говорила, тут переночевать негде, кроме как у вас.

— Мало ли что она говорила. Я говорю: останьтесь. И не выходите после сумерек. Ни на крыльцо, ни к колодцу, ни «воздухом подышать».

— Почему?

— Потому что двор у меня не для прогулок.

Кира хотела спросить, шутит ли она, и не смогла. Старуха не шутила — она говорила так, как говорят инструкции, и лицо у неё было не страшное, а усталое.

— Держи.

Марфа развернула тряпицу на столе. Внутри лежал амулет — круглый, величиной с пятак, из потемневшей меди, с процарапанными по краю знаками. Их было много, они налезали друг на друга, и в тех местах, где медь протёрлась, проступал металл светлее, розоватый, как живой.

— Возьми, — сказала Марфа. — Не бойся.

Кира взяла.

Металл был холодный, глухо тяжёлый, слишком тяжёлый для своего размера — как будто внутри, под коркой зелёной патины, осталось что-то ещё. Кира подумала, что похоже на старую монету. Что, наверное, это просто бабушкина безделушка. Что Настя сейчас скажет что-нибудь такое, отчего всё встанет на место.

Потом амулет качнулся у неё в пальцах.

Он действительно качнулся, а через мгновение Кире показалось, что он пульсирует: тёплый толчок подушечкой пальца — раз, другой, — ровный, неспешный, как второе сердце в чужом теле. Не ритм, не дрожь от руки, а именно толчок, толчок, толчок, точно где-то в глубине меди что-то тянуло и отпускало.

У неё защипало в ладони. Захотелось разжать пальцы — и в то же время она почему-то их сжала.

— Кира? — Настя смотрела на неё.

Кира разжала руку.

— Устала, — сказала она и положила амулет на стол, аккуратно, как кладут что-то, от чего хочется отодвинуться. — Простите. Мы с шести утра за рулём. Мне уже мерещится.

— Не мерещится, — сказала Марфа.

Она завернула амулет обратно в тряпицу, но убирать не стала — положила свёрток рядом с собой на лавку и прикрыла ладонью.

— Ты у меня в доме первый человек за девять лет, который это почувствовал. — Она помолчала. — Или второй. Я уж сбилась считать.

— Марфа, — сказала Кира ровно, — я инженер по образованию. Я знаю, как выглядят наведённые токи, и знаю, как выглядит человек, который хочет, чтобы ему поверили. Это просто старая вещь, а я просто не спала двое суток.

Она сказала это и сама услышала, как это звучит. Слишком длинно. Слишком убедительно. Так оправдываются, а не объясняют.

Марфа не спорила. Она только улыбнулась — не губами даже, а одними глазами, — и в этой улыбке была странная, тихая жалость.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет усталость.

— Бабушка, — тихо позвала Настя. — Ты его больше никому не давала держать. Ни мне.

— Тебе нельзя.

— А ей?

Марфа долго смотрела на Киру. За окном сгущалось, и в комнате делалось темнее, но свечей она не зажигала.

— Ей ещё как можно, — сказала она наконец. — Ей, видишь, уже дали.

Она поднялась, опираясь на стол, и пошла к печи — медленно, но прямо, ни разу не коснувшись стены.

— Постели в горнице, — сказала она, не оборачиваясь. — Две. И окно не отворяйте. Даже если душно будет, даже если стучать станет. — Пауза. — Особенно если стучать станет.

Кира стояла посреди комнаты и слушала, как в печи оседают дрова.

— Насть, — сказала она тихо. — Что это было?

— Я же просила не смеяться.

— Я не смеялась.

— Угу. — Настя сгребла чашки. — Ты спорила. Это хуже.

Кира открыла рот, чтобы возразить, и не стала. Она, к своему неудовольствию, вдруг поняла, что единственное, чего ей сейчас по-настоящему хочется, — это ещё раз взять в руки этот кусок меди. И проверить.

Глава 3. Переход

Ночью Марфа умирает.

Это происходит тихо, без криков, почти как выдох. За окном ещё стоит та синяя, нерешительная темнота, когда ночь уже кончилась, а утро не началось, и в ней предметы теряют края, становятся мягче, будто кто-то смазал их пальцем. Кира сидит на табурете у её постели третьи сутки подряд и уже не различает, где кончается её усталость, а где начинается чужое дыхание.

Дыхание меняется. Не обрывается — именно меняется, становится реже, будто Марфа идёт по длинному коридору и с каждым шагом оглядывается всё меньше.

— Кира.

Голос у неё ясный. Странно ясный. Кира вздрагивает именно от этой ясности — она уже неделю ждёт сиплого шёпота, а тут вдруг ровный, спокойный звук, как будто Марфа не умирает вовсе, а просто решила сказать что-то важное, отложив все дела.

Марфа находит её руку. Не шарит, не ищет, а уверенно находит — её пальцы сухие, лёгкие, но хватка неожиданно сильная, не старушечья.

— Прими, — говорит она.

Кира наклоняется ближе.

— Что принять? Марфа Петровна, что принять?

— Прими. Иначе всё рухнет.

Пауза между двумя фразами такая, будто Марфа проверяет на ней каждое слово — дошло или нет. И Кире вдруг становится страшно не за неё, а за себя: она не понимает ни единого слова из того, что сейчас было сказано, и от этого непонимания у неё внутри что-то мелко дребезжит, как посуда в шкафу при поезде.

Она машинально кивает. Просто чтобы Марфа перестала держать её так крепко.

— Хорошо, — говорит Кира. — Хорошо-хорошо, только не волнуйтесь, ладно? Не волнуйтесь.

Она не слышит своего голоса. Он идёт откуда-то из-под горла, торопливый, успокаивающий, тот самый голос, которым говорят с детьми и с очень старыми людьми, — и одновременно где-то в самой глубине, под этим голосом, Кира отчётливо понимает, что она соврала. Не солгала — соврала. Пообещала то, чего не понимает.

Хватка ослабевает.

И в этот момент по комнате пробегает холодный ветер.

Окна закрыты — Кира сама закрывала их час назад и сама проверяла шпингалеты, потому что Марфа жаловалась на сквозняк. Шторы не шевелятся. Бумажка, придавленная на подоконнике чашкой, лежит как лежала. Но холод идёт — не от окна, не от двери, а как будто прямо сквозь воздух, снизу вверх, и у Киры на предплечьях волосы встают дыбом и почему-то ноют зубы.

Она поворачивается к Марфе — и видит.

Из груди Марфы, из самой её середины, ровно оттуда, где под кожей устало билось сердце, выходит нить. Тонкая, светящаяся мутноватым, молочным светом — не яркая, не фантастическая, а тусклая и вполне вещественная, как паутина, поймавшая под утро пыль. Нить не висит, а тянется. Уходит вниз, к постели, к её руке — к пальцам Киры, всё ещё сжатым вокруг этих сухих старческих пальцев.

Нить касается ладони, и в ладони становится горячо.

Одна секунда. Может, меньше.

Кира зажмуривается — резко, до красных пятен, до боли, как в детстве, когда она боялась смотреть в темноту и надеялась, что зажмуренные глаза защитят лучше открытых.

Она сидит так, наверное, долго. Потом всё-таки открывает глаза.

Нити нет.

Рука Марфы лежит у неё в ладони, тяжёлая и неправильно спокойная. Комната обыкновенная, утренняя, с теми же обоями, с той же чашкой на подоконнике, с тем же запахом пыли и лекарств. Никакого молочного света. Никакой паутины.

Кира смотрит на свою ладонь. Кожа как кожа. У неё внутри не то чтобы тепло — там, на секунду показалось, или уже нет, — что-то осталось, но это точно усталость, три ночи на табурете и злость на себя.

Она осторожно высвобождает руку. Поправляет одеяло — хотя уже незачем, но руки не знают, что теперь делать. И только тогда, в этой бессмысленной попытке укрыть человека, которому больше не холодно, до неё доходит, что Марфа не дышит.

— Марфа Петровна, — говорит она.

Тишина.

Она не плачет. Позже она будет винить себя за эти первые минуты — за то, что вместо слёз сначала вышли наружу малодушные, практические мысли: кому звонить, где её документы, как это вообще правильно делается. Но сейчас она просто сидит и держит в руке чужой уже остывающий воздух.

А потом, гораздо позже, когда всё будет сделано и перед ней поставят чашку чая, от которого она не отхлебнёт, Кира вспомнит не «прими» и не «всё рухнет».

Она вспомнит нить.

И совершенно не поверит себе.

Глава 4.Утро после.

Утро наступает слишком тихо — так тихо, будто весь мир затаил дыхание. Даже птицы, обычно встречающие рассвет громкой перекличкой, сегодня молчат, и от этой неестественной тишины по спине невольно бегут мурашки.

Кира просыпается с ощущением, будто всю ночь провела на краю пропасти, балансируя между падением и чудом. Ей холодно, хотя в комнате тепло, а за окном уже светит солнце, заливая всё золотистым светом. Первые несколько секунд она не может вспомнить, что именно произошло накануне. Память возвращается обрывками, словно кто-то нарочно порвал её воспоминания на мелкие клочки: странные звуки за стеной, тревожные слова Марфы, ощущение чужого присутствия, тяжёлого, давящего, и тот необъяснимый страх, который не отпускал её даже во сне, пробираясь сквозь самые яркие, самые обычные сны и окрашивая их в серый, безнадёжный цвет.

Она убеждает себя, что всё это было сном. Слишком ярким, слишком пугающим, но всё-таки сном. Пытается ухватиться за эту мысль, как за спасительную соломинку: «Просто нервы, просто усталость, просто деревенская тишина действует на воображение». Но внутри уже шевелится что-то холодное и настойчивое, шепчущее: «Ты знаешь, что это не сон».

Настя просыпается позже. По её лицу Кира сразу понимает, что та тоже не забыла вчерашнего. Настя пытается вести себя обычно: ставит чайник, открывает окна, говорит о погоде и предлагает позавтракать. Она даже старается улыбаться, но улыбка выходит натянутой, похожей на маску, которую хочется поскорее снять. Её движения нервные, резкие, будто она боится задеть что-то невидимое, а взгляд то и дело возвращается к двери комнаты Марфы, словно она ждёт, что оттуда вот-вот выйдет хозяйка дома, строго посмотрит и скажет: «Ну что вы тут устроили? Всё в порядке».

— Ты ведь тоже это помнишь? — наконец спрашивает Кира, не в силах больше выносить эту игру в нормальность.

Настя некоторое время молчит, глядя, как пар поднимается от чайника, и будто ищет в этом движении ответ.

— Помню, — тихо признаётся она. — Но, может, мы просто устали. Последние дни были непростыми: дорога, незнакомое место, сама атмосфера здесь… Она давит.

Кира благодарна ей за попытку найти объяснение, за это отчаянное желание вернуть всё на свои места, сделать мир снова понятным и безопасным. Но сама она уже чувствует, что за привычными вещами скрывается что-то неправильное, как будто кто-то незаметно сдвинул одну деталь в огромном механизме, и теперь всё работает чуть-чуть не так, издавая едва слышный, но тревожный скрип.

После завтрака девушки решают разобрать вещи Марфы. Это необходимо сделать хотя бы для того, чтобы привести дом в порядок, чтобы занять руки и не дать мыслям снова закружиться в безумном хороводе. В комнате пахнет сушёными травами, старой бумагой и чем-то едва уловимым, напоминающим запах дождя перед грозой — тот самый запах, который появляется в воздухе за несколько минут до того, как первые капли ударят по земле.

Марфа была человеком необычным, и вещи её были под стать хозяйке. Среди них находятся связки ключей с причудливыми зубцами, старые фотографии, на которых лица кажутся чуть размытыми, будто время уже начало стирать их из памяти, коробочки с непонятными символами, выжженными на потемневшем дереве, засушенные растения, собранные, казалось, не по ботаническим правилам, а по каким-то иным, тайным законам, и множество исписанных листков. Некоторые записи сделаны обычным, аккуратным почерком, другие представляют собой странные знаки, похожие на древний алфавит, в котором буквы сплетаются в узоры, больше напоминающие руны или магические формулы.

Настя находит в нижнем ящике комода толстый кожаный дневник. Обложка потемнела от времени, покрылась сетью мелких трещин, словно высохшая земля в засушливый год, а на ней вытиснен символ, напоминающий переплетение нескольких линий, образующих сложный, почти живой узор. Кира узнаёт его: похожий знак она видела на одной из дверей в доме, и тогда он показался ей просто старинным орнаментом, но теперь он будто смотрит на неё, требуя внимания.

Девушки начинают читать записи. Сначала всё кажется бессвязным, похожим на поток сознания, где обрывки мыслей, наблюдений и странных заметок перемешаны без всякой логики. Марфа пишет о местах, где «мир становится тоньше», о невидимых тропах, которые можно увидеть только боковым зрением, и о существах, которые не должны пересекать границу, потому что их природа чужда этому миру. Несколько раз встречаются слова «граница» и «стражи», и каждый раз они звучат так, будто несут в себе гораздо больше смысла, чем кажется на первый взгляд.

Одна из записей особенно привлекает внимание Насти. Она читает её шёпотом, будто боится, что кто-то услышит:

«Граница никогда не бывает неподвижной. Она дышит вместе с миром, пульсирует, как живое существо. Пока есть те, кто слышит её дыхание, она сохраняется, удерживая равновесие между мирами. Но если страж теряет связь, если его сердце перестаёт биться в такт с границей, тьма начинает искать дорогу, прощупывая слабые места, выискивая трещины, через которые можно просочиться».

Кира резко закрывает дневник, и звук защёлкнувшейся обложки кажется в тишине оглушительно громким.

— Хватит. Это просто старые суеверия, — говорит она твёрже, чем чувствует на самом деле. — Марфа верила в свои легенды, это не значит, что в них есть хоть капля правды.

— Но Марфа ведь не была сумасшедшей, — тихо возражает Настя, не сводя глаз с тёмного кожаного переплёта. — Она знала что-то, чего не знаем мы. Может, это важно.

— Я не собираюсь искать в каждой её записи тайный смысл, — отрезает Кира, хотя внутри у неё всё сжимается от противоречивых чувств. — У нас и без этого достаточно проблем: нужно решить, что делать дальше, как быть с домом, с похоронами… Реальные проблемы, понимаешь?

Настя кивает, но в её глазах читается сомнение. Она не спорит, но и не соглашается, оставляя за собой право думать иначе.

Кира предлагает выбросить дневник. Ей хочется избавиться от всего, что напоминает о странных событиях, сжечь эти страницы, чтобы пепел унёс с собой все страхи и сомнения. Но Настя просит оставить его хотя бы до тех пор, пока они не закончат разбирать комнату, пока не поймут, есть ли среди вещей что-то действительно важное, что нельзя просто так выбросить.

В этот момент в доме гаснет свет.

Электричество исчезает без предупреждения, резко, как будто кто-то дёрнул невидимый рубильник. Из кухни доносится тихий щелчок, похожий на звук, который издаёт старая проводка, когда в ней что-то ломается. Тишина становится густой, плотной, она словно оседает на плечи, придавливая к земле.

Настя достаёт телефон и включает фонарик. Луч света выхватывает из темноты знакомые предметы, делая их чужими и странными: старый комод кажется огромным и зловещим, тени ползут по стенам, искажая привычные очертания.

— Наверное, пробки, — говорит Настя, но голос её звучит неуверенно, будто она сама не верит в эти слова.

Но Кира не отвечает.

Ей кажется, что в дальнем углу комнаты что-то движется. Сначала она принимает это за игру света и тени, за обман зрения, вызванный резким переходом от яркого света к тем-

ноте. Затем замечает тёмную полосу, которая медленно скользит по полу, извиваясь, как живая змея. Тень движется против направления фонарного луча, словно у неё есть собственная воля, словно она выбирает свой путь, игнорируя законы физики.

Кира замирает, чувствуя, как холод сковывает кончики пальцев, а сердце бьётся где-то в горле, мешая дышать.

Тень останавливается возле шкафа, вытягивается вверх, становясь тоньше и длиннее, и на мгновение приобретает очертания человеческой фигуры — неясные, размытые, но безошибочно узнаваемые в своей человечности. Силуэт будто колеблется, то проявляясь, то растворяясь в темноте, и в этот миг Кире кажется, что она видит лицо, обращённое к ней, но черты его ускользают, не давая себя разглядеть.

Затем из темноты раздаётся шёпот, тихий, едва уловимый, но совершенно отчётливый:

— Кира…

Она резко оборачивается к Насте, и в её глазах плещется паника, смешанная с надеждой, что подруга сейчас скажет: «Я тоже это слышала».

— Ты слышала? — голос Киры дрожит, выдавая её страх.

— Что? — переспрашивает Настя, непонимающе глядя на неё.

— Кто-то произнёс моё имя, — настаивает Кира, чувствуя, как внутри всё сжимается от ужаса. — Я точно слышала.

Настя направляет фонарик в угол, где только что была тень, но там ничего нет. Только старый шкаф, тёмные обои и пыль, кружащаяся в луче света.

Через несколько секунд свет возвращается. Лампочка вспыхивает, заливая комнату привычным желтоватым светом, и реальность снова становится обыденной, почти насмешливой в своей нормальности.

Кира делает вид, что ничего не произошло. Она даже пытается улыбнуться, но пальцы предательски дрожат, и она прячет их в карманах, чтобы Настя не заметила.

Позже, оставшись одна, она замечает на полу возле шкафа тонкую полоску инея. Он лежит на досках, словно кто-то рассыпал мельчайшие кристаллы льда, и от него веет таким холодом, который не имеет ничего общего с температурой в комнате. Хотя в доме тепло, и окна закрыты, иней не тает, а держится, упрямо сопротивляясь законам природы.

И впервые Кира допускает мысль, что это мог быть не сон, не игра воображения и не усталость. Что граница, о которой писала Марфа, действительно существует, и что она сейчас дрогнула, позволив чему-то чужому проскользнуть сквозь неё.

Дрожащими руками она возвращается к дневнику. Пальцы скользят по шершавой коже обложки, и она открывает его на случайной странице, будто надеясь найти там ответ или хотя бы подтверждение тому, что она не сошла с ума. Между страницами обнаруживается старая фотография Марфы. На ней она выглядит моложе, но в глазах уже тогда читалась та самая мудрость, смешанная с усталостью, которая приходит к тем, кто слишком много знает.

На обратной стороне фотографии её рукой, мелким, но чётким почерком написано: «Когда услышишь своё имя, не отвечай».

Глава 5. Знак на коже.

Весь следующий день Кира старается отвлечься от произошедшего. Она занимается домашними делами, помогает Насте разобрать кухню, отвечает на сообщения и даже выходит ненадолго во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха и убедить себя, что всё в порядке. Но ощущение чужого присутствия не исчезает.

Ей кажется, что кто-то наблюдает за ней из отражающих поверхностей. В блестящей крышке кастрюли, в тёмном стекле окна, в полированной поверхности старого комода — везде мелькает едва уловимое движение, будто тень скользит по краю отражения. Иногда она замечает движение краем глаза, но, оборачиваясь, видит только пустое пространство. И тишина вокруг становится какой-то слишком плотной, словно город затаил дыхание.

Настя тем временем продолжает изучать дневник Марфы. Она раскладывает листы на столе, сортирует записи, отделяя обычные заметки — о травах, о погоде, о соседях — от тех, что посвящены границе и стражам. В этих строках почерк Марфы меняется: он становится резче, буквы будто торопятся друг за другом, словно она боялась не успеть.

В одной из глав обнаруживается рисунок человеческой ладони. На ней изображён тонкий узор, напоминающий паутину, расходящуюся от центра ладони к пальцам. Линии не просто нарисованы — они будто выведены дрожащей рукой, с нажимом, как будто Марфа пыталась передать не только форму, но и ощущение. Под рисунком стоит подпись:

«Печать хранителя. Проявляется у наследника, когда граница начинает звать его».

Настя перечитывает эти слова несколько раз, и у неё холодеет в груди. Она хочет показать страницу Кире, но та в этот момент находится в ванной.

Кира моет руки и вдруг замечает странный рисунок на собственной ладони. Тонкие серебристые линии образуют узор, которого раньше не было. Он напоминает переплетение корней или паутину. Линии начинаются возле запястья и расходятся к основанию пальцев, будто кто-то невидимой кистью прочертил их по коже.

Кира испуганно трёт кожу, сначала осторожно, потом сильнее, почти до красноты. Но узор не исчезает. Он не стирается, не смазывается, не оставляет следов на полотенце.

Она подносит руку ближе к лампе — линии становятся бледнее, затем полностью пропадают. Кира выключает свет. Рисунок появляется снова, едва заметный, но отчётливый в полумраке. Она включает свет, потом выключает. Несколько раз повторяет это действие, словно надеется обнаружить какой-то оптический эффект, игру теней, обман зрения. Но объяснения нет.

Когда Кира выходит из ванной, Настя сразу замечает её состояние. По тому, как она держится, как прижимает руку к себе, будто прячет её, Настя всё понимает без слов.

— Покажи руку, — тихо говорит она, и в её голосе нет вопроса — только просьба, которую нельзя проигнорировать.

— Что? — Кира делает вид, что не понимает, хотя знает, о чём речь.

— Левую ладонь.

Кира медленно протягивает руку, будто боится, что от этого движения узор станет ярче, заметнее, реальнее. Настя рассматривает кожу, а затем открывает дневник на нужной странице.

Сходство оказывается пугающим. Не просто похожим — точьвточь. Каждая линия на коже Киры повторяет рисунок в дневнике, будто ктото срисовал её ладонь, не видя её.

— Это невозможно, — произносит Кира, и голос её звучит чужим, тонким, как натянутая струна.

— Марфа знала, что такое может произойти, — отвечает Настя, не отрывая взгляда от страницы.

— Ты хочешь сказать, что она предсказала это? — в вопросе Киры звучит надежда на простое объяснение, на то, что это просто совпадение, случайность.

— Я хочу сказать, что она оставила нам объяснение. Она знала, что печать может проснуться. И она знала, что это будет страшно.

Кира не хочет верить. Она начинает искать медицинские причины: аллергическую реакцию, сосудистый рисунок, раздражение кожи. Вспоминает, что вчера трогала какието травы, что могла надышаться пылью, что у неё просто разыгралось воображение. Но ни одно объяснение не подходит. Узор не реагирует на давление, не меняет цвет, не шелушится. Он просто есть.

Настя находит ещё одну запись, спрятанную между страницами, будто Марфа хотела, чтобы её нашли только тогда, когда будет нужно:

«Печать не создаёт силу. Она открывает то, что всегда было внутри. Сначала хранитель видит. Затем слышит. И только после этого начинает влиять на мир».

Кира вспоминает тень в углу, которая двигалась не по правилам света и тени. Вспоминает шёпот своего имени, будто ктото звал её из темноты, но она не могла понять, откуда идёт звук. Теперь события складываются в последовательность, от которой становится не по себе, как будто она шла по тонкому льду и только сейчас поняла, что под ногами — пустота.

Вечером девушки готовят ужин. Руки Киры дрожат, она старается не смотреть на ладонь, но чувствует узор кожей, будто он стал частью её тела, её памяти. Настя ставит на стол стакан воды, а Кира случайно задевает его локтем.

Стакан падает. Вода выплёскивается на пол, но вместо того, чтобы растечься обычной лужей, собирается в маленький вращающийся вихрь. Несколько секунд вода кружится сама по себе, образуя крошечную воронку. В её центре появляется тёмная точка, будто пространство там стало чуть тоньше, чуть прозрачнее.

Кира отступает, прижимается спиной к стене, словно хочет стать незаметной, исчезнуть. Вода замирает и падает на пол, словно ничего не произошло. Лужа растекается, как положено, капли блестят на половицах, и только влажный след остаётся доказательством того, что чтото было.

Настя смотрит на неё широко раскрытыми глазами, и в этом взгляде нет осуждения — только страх и понимание.

— Ты это видела? — шепчет Кира, будто если она скажет это вслух, всё станет настоящим, необратимым.

Кира кивает, не в силах произнести ни слова.

— Я ничего не делала, — повторяет Кира, и в этих словах столько отчаяния, что Насте хочется обнять её, спрятать от всего мира.

— Может, именно поэтому она и среагировала, — тихо отвечает Настя. — Может, сила не требует действий. Может, она просто откликается на тебя.

Кира закрывает лицо руками.

— Настя, я не хочу быть какойто… избранной. Я просто хочу, чтобы всё вернулось как раньше. Хочу, чтобы это был просто старый дом, просто дневник, просто деревенские легенды.

Настя осторожно берёт её за руку, не за ту, на которой узор, а за другую, обычную, тёплую.

— А если уже не получится? — спрашивает она, и в этом вопросе нет упрёка, только честность, которую сейчас нельзя спрятать.

Кира не отвечает. Она не знает, что сказать.

Позже ночью, когда дом затихает, а тени становятся длиннее, Кира снова рассматривает ладонь. В темноте узор начинает едва заметно светиться, словно под кожей течёт жидкий лунный свет. И на этот раз Кира чувствует не только страх, но и странное тепло, исходящее

изнутри. Ей кажется, что линии на коже слегка пульсируют в такт сердцу, будто они — не рисунок, а живая часть её, новый орган, который только учится работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.